

УТВЕРЖДАЮ

проректор — начальник Управления
научной политикой МГУ имени

М.В. Ломоносова,

чл.-корр. РАН, доктор физико-
математических наук, профессор

А.А. ФЕДЯНИН

« 8 » сентября 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

на диссертацию Зиновьева Андрея Станиславовича на тему

«Региональные политические культуры Литвы:

факторы формирования и пространственная дифференциация»,

представленную на соискание ученой степени кандидата географических наук

по специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и

рекреационная география (географические науки)

В диссертационной работе Зиновьева Андрея Станиславовича представлен подробный анализ особенностей электоральной географии, социально-экономического и политического развития современной Литвы через призму феномена региональных политических культур (РПК) в условиях постсоциалистической трансформации общества и интеграционных процессов в рамках Европейского союза.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, трёх приложений и занимает 176 страниц. Текст диссертационной работы иллюстрирован 51 рисунком и двумя таблицами. Список использованных источников содержит 197 наименований, в их числе труды как отечественных, так и зарубежных (в т. ч. литовских) географов, политологов, экономистов и социологов.

Во **введении** убедительно обоснована актуальность диссертационного исследования, обозначены объект и предмет, сформулированы цели и задачи исследования, а также представлены научная новизна, личный вклад автора, теоретическая и практическая значимость работы. Основные результаты по теме диссертации были представлены в 13 публикациях, в т. ч. в четырёх статьях в рецензируемых журналах из перечня ВАК, из них три по специальности 1.6.13 Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

Первая глава посвящена обзору и критическому анализу двух основных концепций, на которых базируется работа: постсоциализма/постсоциалистической трансформации и региональных политических культур. В первом параграфе задана широкая рамка общественных процессов (с акцентом на экономику и политику), происходивших в странах Центрально-Восточной Европы в постсоциалистический период. Особое внимание уделено фактору европейской интеграции рассматриваемых стран и концепции множественной модернизации. Выделены основные факторы демократизации, детерминанты и особенности трансформаций в постсоциалистических странах Европы.

Во втором параграфе приведён один из наиболее подробных русскоязычных обзоров феномена региональных политических культур. Автор прослеживает развитие и связи концепта от наиболее ранних и фундаментальных исследований и теорий, включая работы Г. Алмонда (1956 г.), Г. Алмонда и С. Вербы (1963 г.), Д. Элазара (1966 г.), Д. Элкинса и Р. Симеона (1979 г.), Р. Инглхарта (1988 г.), Р. Патнэма (1996 г.) и др. Рассмотрены и наработки отечественных географов: А. Л. Белова, А. Г. Манакова, А. Н. Журавлёва, В. А. Колосова и Р. Ф. Туровского. Разобраны методические подходы к изучению региональных политических культур, в т. ч. пространственно-временной, используемый далее в работе, и связи с концепцией «места» по Дж. Эгнью, а также предложены авторские определение и методика изучения РПК. Приведённый автором обзор представляет не простое описание, а именно критический анализ наработок по теме. В частности, подмечается, во-первых, неоднозначность и неопределённость концепции «политической культуры», что породило явную аморфность как самого понятия РПК, так и методик их определения, а во-вторых, слабая объяснительная сила концепции в вопросе механизма формирования региональных политико-культурных различий. Текст сопровождается схемами, наглядно демонстрирующими причинно-следственный механизм формирования РПК места и модель функционирования РПК.

Вторая глава погружает читателя в страновой контекст диссертационного исследования. Рассмотрены социокультурные и социально-экономические особенности географической дифференциации Литвы. Большая часть оптик, используемых автором для презентации разнообразия пространства исследуемой страны, не носит политический характер, что в дальнейшем помогло обосновать тезис о выполнении РПК *«функции медиатора, конвертирующего сплав предшествующего опыта развития и текущей повестки в мотивы политических действий»*. Обзор обобщён интегральной типологией муниципалитетов Литвы по уровню социально-экономического развития, которая лучше применима для объяснения политической географии Литвы, чем ряд отдельных картосхем, иллюстрирующих дифференциацию пространства страны по отдельным параметрам.

В **третьей главе** приведён обзор и анализ территориальных электоральных расколов в современной Литве, а также определены особенности литовской политики, влияющие на электоральную географию страны. Рассмотрены референдумы (1991 и 2003 гг.), президентские (1993–2019 гг.) и парламентские (2004–2019 гг.) выборы. Для упрощения восприятия многообразия партийной системы Литвы партии были объединены в партийные группы со схожими идеологическими установками и географическими паттернами их поддержки, что позволило составить типологию муниципалитетов по уровню поддержки «партийных семей».

Итог третьей главы — параграф, посвящённый региональным политическим культурам Литвы. Для каждой из выявленных РПК определены их положение на оси «центр-периферия», подтип (например, столичный, субцентральный, курортный и др.), основные электоральные, этнические, демографические и социально-экономические характеристики, а также указаны муниципалитеты (самоуправления), для которых свойственна каждая РПК. Важно, что автор не ограничивается, как это нередко принято в электорально-географических исследованиях, простым обзором географии поддержки разных политических сил и поиском самых общих закономерностей. Электорально-географическая часть и интегральная систематизация рассмотренных явлений с помощью выделения ряда региональных политических культур страны венчают логично выстроенное исследование, в котором автор идёт от характеристики контекста и факторов формирования описываемого пространственного разнообразия к констатации, обобщению и объяснению электоральных особенностей разных частей страны.

В **заключении** кратко приведены теоретические и методические основания работы, сформулированы девять выводов, демонстрирующих подтверждение выдвинутых гипотез.

Несмотря на свои достоинства, работа обладает и рядом недостатков. Разделим замечания, возникшие к диссертационной работе, на две группы. Первая — значимые недочёты, большая часть которых относится к «дизайну» исследования:

1. Основной территориальный уровень агрегации данных, используемых в исследовании, позволяет оперировать лишь крупными территориальными образованиями — 60-ю самоуправлениями. При этом (как минимум) электоральные данные вполне доступны и на более дробных уровнях, например, по примерно 550 староствам и избирательным участкам. Эти данные сложнее собирать и сравнивать по разным выборам из-за изменений АТД, однако при небольших площади страны и периоде основного исследования (15 лет) анализ на более дробном уровне (чем самоуправления) видится вполне возможным.

Такой переход затруднил бы сопоставление электоральной дифференциации пространства страны с социально-экономической и этнокультурной, так как всё-таки не все из используемых данных доступны на более дробных уровнях агрегации статистической информации. Однако такой хотя бы частичный переход существенно повысил бы доверие к результатам и мог бы их заметно уточнить. Тем более, что автор нередко обращается к процессам, которые невозможно уверенно отследить, используя данные только на уровне самоуправлений, например, расширение вильнюсских субурбий. Несовпадение уровня анализа и основных (территориальных) уровней исследуемых процессов может привести к «экологической ошибке» («ошибка Робинсона»). К тому же в числе основных методов исследования указан полимасштабный подход.

2. Столь же спорным выглядят ограничение периода основного исследования. Нижняя граница (2004 г.) почти не объяснена, лишь указана привязка к вступлению Литвы в ЕС. При этом данные по более ранним президентским выборам и референдуму 1991 г. всё же используются, но парламентские выборы до 2004 г. из рассмотрения исключены. Верхняя граница (2019 г.) объяснена *«турбулентностью [ковидного и постковидного] периода»*. Однако исследование региональных политических культур, для которых свойственна и инерционность (устойчивость), и конъюнктурная динамика (изменчивость) было бы более объёмным и убедительным, если бы затрагивало как раз самые «турбулентные» для общества периоды 1990-х и 2020-х гг. Наглядно были бы показаны и устойчивые паттерны РПК, стабильные даже в столь динамичных условиях, и их изменчивость и адаптивность как следствие изменений в обществе.

3. Исследование сосредоточено на одной небольшой стране и сравнительно коротком временном отрезке. Видится логичным привлечение максимального объёма материалов для исследования, в том числе обращение к результатам не только национальных (парламентских и президентских) выборов, но и наднациональных (европейских) и местных выборов. К тому же в некоторых случаях автор делает отсылки к местному уровню выборов, например, указывая на успешность действия местных отделений некоторых партий в нескольких самоуправлениях как на объяснение части их политического своеобразия. Кроме того, как минимум в двух статьях автора исследуется именно местный уровень выборов в Литве. Однако в диссертационном исследовании результаты местных и европейских выборов почти не затрагиваются.

4. Подход к анализу политической и/или электоральной географии страны через призму региональных политических культур весьма близок районированию — РПК рассматриваются как *«синтетические политические районы, характеризующиеся уникальным набором электоральных показателей и факторов, влияющих на голосование,*

включая исторические и культурные особенности территории». Об этом в диссертации упоминается (с. 43, 57–58), но далее данная мысль никак не развита, хотя набор, например, методов в области районирования куда шире, чем в случае исследований РПК.

5. В случае нескольких разделов в глаза бросается неоднородность «плотности» изложения материала. Например, раздел «Анализ электоральных различий как индикаторов региональных политических культур» занимает всего страницу и почти не содержит конкретики, хотя это одно из мейнстримных направлений в исследованиях РПК. С другой стороны, параграф 2.1.1. «Эволюция территориально-политической структуры», наоборот, содержит много подробностей, далее для анализа не используемых. Возможно, его следовало бы сократить до короткого обобщающего вывода соответствующего обзора.

Наиболее сложные для восприятия разделы — параграф 2.2. «Социально-экономическая дифференциация», второй и третий разделы третьей главы, где приведён обзор географии референдумов, президентских и парламентских выборов. В этих обзорах немало повторов, а информация подаётся не концентрировано, что ухудшает восприятие. С одной стороны, проблема в обоих случаях решается наличием после данных разделов обобщающих типологий. С другой стороны, при чтении данных разделов хочется сразу перейти к обобщению, пропустив часть текста, хотя в нём немало важной информации.

6. Региональная политическая культура в исследовании понимается как *«структурирующее свойство места, устанавливающее диапазон возможных политических действий местных жителей в конкретный момент времени»* (стр. 50). То есть (логично) предполагается привязка каждой РПК к конкретному периоду её существования в определённом состоянии. Однако для РПК Литвы, обозначенных в конце работы, такая привязка не приведена. В итоге не до конца ясно, это РПК исключительно периода 2004–2019 гг., более длинного или короткого временного отрезка? Насколько эти РПК устойчивы в последние семь лет, оказавшиеся вне рассмотрения? Отчасти динамическая составляющая отражена в итоговой типологии, ибо выделены переходные и колеблющиеся РПК, однако результирующая типология в целом и определение РПК в «вопросе времени» находятся, как нам кажется, в противоречии.

7. Не очень высокая территориальная дробность данных потенциально создаёт проблему для одного из методов, используемых в работе для перехода от анализа географии парламентских выборов по каждой партии и выборам к обобщению на уровне партийных групп/семей, в т. ч. с помощью корреляционного анализа. Метод для российской электоральной географии традиционный и популярный (особенно в 1990-х гг.), однако его применимость в некоторых случаях может быть существенно ограничена. Например, в последние годы из-за почти повсеместной гендерной поляризации молодого электората

политические силы, черпающие поддержку по разные стороны этого нового электорального раскола и имеющие диаметрально противоположные платформы (или их подобие), получают наибольший уровень поддержки в одних и тех же районах — местах с высокой долей молодого электората. Из-за отсутствия гендерной территориальной сегрегации молодёжи партии, принадлежащие к разным «партийным семьям», при определении близости между ними через высокую корреляцию географии их поддержки попадут в одну группу. Возможно, в Литве это ограничение отсутствует, однако выбранный уровень анализа не позволяет полностью исключить подобные риски.

Вторая группа замечаний касается мелких ошибок и недоработок:

1. Во Введении указано, что в работе использованы полевые наблюдения, однако не указаны их сроки и результаты, использовавшиеся при подготовке диссертации.

2. Возможно, раздел 2.2.4. «Интегральная типология» следовало бы «повысить» до параграфа 2.3., так как в нём приводится обобщение обоих предыдущих параграфов.

3. Таблица 2 занимает несколько страниц, но шапка таблицы приведена только в её начале и не продублирована на остальных страницах. Возможно, стоило бы разделить последний столбец таблицы на два: в одном оставить электоральные характеристики РПК, а в другой вынести социально-экономические характеристики (место для этого есть). Кроме того, логично было бы представить главный результат работы (или один из главных) и в виде картосхемы РПК современной Литвы, однако данная картосхема отсутствует.

4. На стр. 23 сказано, что «...[выделяются] электоральные градиенты “запад-восток” и “север-юг”, где Запад и Север имеют более либеральную ориентацию, а Восток и Юг более консервативную. Это не исключает наличия пространственных инверсий. Например, в Польше западные районы скорее тяготеют к левым партиям, тогда как восточные — к правым. Такая инверсия объясняется историей формирования территории современной Польши...». Пример Польши указан как исключение, однако он, наоборот, полностью укладывается в указанную закономерность: запад и север имеют более пролиберальную ориентацию, чем восточные и южные (консервативные) районы страны.

5. В тексте утверждается, что «выбор в пользу парламентско-президентской формы правления требовал не только пропорциональной избирательной системы при выборе парламента...». Однако связь между данной формой правления и обязательностью пропорциональной системы при парламентских выборах не очевидна.

6. Есть и небольшие недочёты в оформлении. Например, слово «годы» у чисел то пишется полностью, то сокращается до «гг.». Иногда подписи вообще отсутствуют (например, на стр. 6–7). Периодически встречаются очень большие (на страницу и более) абзацы, содержащие сразу несколько разных тезисов, что затрудняет их восприятие.

Автореферат изложен на 26 страницах, его содержание соответствует содержанию диссертации. Сформулированы положения, выносимые на защиту, и основные выводы диссертационного исследования. При этом текст автореферата значительно легче для восприятия, чем текст диссертации, который в нескольких местах перегружен подробностями и повторами, через которые читателю сложно «продираться», и чётче акцентирует внимание на основных авторских рассуждениях и выводах.

Приведённые замечания не умаляют достоинств работы и не снижают её позитивного восприятия. Диссертационное исследование выполнено на высоком научном уровне, обладает всеми необходимыми для такой работы элементами: сформулирован исследовательский вопрос, проведён исчерпывающий и критический анализ научной литературы по основной и смежным темам, подобрана методика исследования, собраны и обработаны различные данные, анализ которых подтверждает авторские гипотезы, результаты анализа описаны, систематизированы и визуализированы, сформулированы выводы и защищаемые положения.

Диссертационная работа Зиновьева Андрея Станиславовича соответствует критериям пунктов 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК от 24 сентября 2013 г. №842 (ред. от 11.09.2021 г.), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата географических наук по специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география. Отзыв одобрен на заседании кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 3 сентября 2026 г., протокол № 8.

Отзыв подготовил:

Наумов Алексей Станиславович

кандидат географических наук

(специальность 11.00.02 – экономическая и социальная география),

Доцент, заведующий кафедрой социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ,

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, ГСП-1

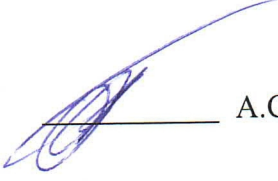
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Тел. +7 (495) 939 36 21, e-mail: alnaumov@mail.ru

А.С. Наумов

Я, Наумов Алексей Станиславович, даю согласие на включение своих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного совета, и их дальнейшую обработку.

 А.С. Наумов

Иванова Ольга Борисовна

секретарь, ведущий инженер кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ,

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, ГСП-1

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Тел. +7 (495) 939 36 21, e-mail: olga_borisovna_ivanova@mail.ru

 О.Б. Иванова

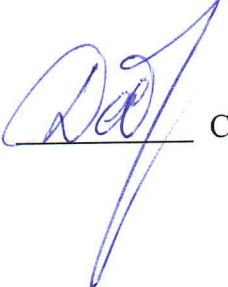
Я, Иванова Ольга Борисовна, даю согласие на включение своих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного совета, и их дальнейшую обработку.

 О.Б. Иванова

Подпись А.С. Наумова, О.Б. Ивановой заверяю

Декан географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

Академик РАН

 С.А. Добролюбов

8 сентября 2026 г.